

ГЛАВА
КАПИТОН

ЧАСТЬ 6

ШЕСТАЯ ВСТРЕЧА
18 АВГУСТА 2008

КВАРТИРА МОНАСТЫРСКОГО
НА УЛИЦЕ КОРОЛЕВА

ВАДИМ ЗАХАРОВ
ЮРИЙ ЛЕЙДЕРМАН
АНДРЕЙ МОНАСТЫРСКИЙ

ЗАХАРОВ Для начала давайте решим вопрос с корректурой наших предыдущих бесед. Юра настаивает на очень сокращенной версии. Я думаю, полноценная версия важна для всех нас. И я хочу понять Юрину позицию: на кого он рассчитывает, сокращая текст.

МОНАСТЫРСКИЙ Я с ним согласен. Заставить читать большие тексты по 40-50 страниц сейчас никого невозможно. Юра учитывает современные способности восприятия.

ЛЕЙДЕРМАН Главное даже не в этом. Вопрос не в объеме этих текстов, а в объеме того, что в них сделано, и того, что мы пытаемся показать и считаем достойным показа. Если мы это печатаем, значит, мы обращаемся к каким-то людям с каким-то художественным заявлением. Здесь возникает принципиальный вопрос: что мы считаем эстетической ценностью? Ты и отчасти Андрей считаете эстетической ценностью сам факт того, что мы собрались, что-то делаем и что-то говорим. Саму эту ситуацию. Но я в ней никакой ни ценности, ни смелости, ни жеста, ни усилия не вижу. А усилие заключалось бы в попытке что-то проговорить и что-то сделать. И это имело бы смысл. Но пока с чем, собственно говоря, мы обращаемся?

МОНАСТЫРСКИЙ Я хочу дополнить. Раньше, в середине 70-х, когда мы издавали сборники МАНИ и печатали диалоги по 50 страниц, поскольку дискурс тогда существовал, каждое придыхание, плевков, дрожание – все имело значение. А сейчас дискурса нет. Он давно умер. То, что сейчас осталось, это скорее всего поэзия. А поэзия требует более сжатых форм. Но поскольку я ценю дискурс, хоть он и умер, для меня все-таки важен и полный вариант. Но для людей нужен сокращенный вариант.

ЗАХАРОВ На мой взгляд, Юра последнее время находится в ситуации не-навидисти к современному искусству и, что естественно, к системе в целом: к галеристам, критикам, но и к художникам тоже. Его раздражает механика, действующая прямолинейно, тупо, без зазоров. При этом Юра вступает в диалог с этой системой. Он хочет что-то доказать, при этом начинает идти ей на уступки, сокращая наши внутригрупповые тексты, превращая их в “биг-мак”. Мне кажется это странным. Я лично вообще пока не собираюсь никому ничего доказывать. Тем более запускать эти тексты в систему современного искусства. Вы говорите о чудовищной длине наших бесед, но в этом я ничего плохого не вижу. Пусть кому не интересно, пролистает пару страниц. Вы же не сокращаете для публики “Поездки за город”. Почему Юра хочет кому-то (я хотел бы выяснить – кому?) в разжеванном сокращенном виде этот текст сунуть в рот.

МОНАСТЫРСКИЙ У Юры была работа “Труп отца”. Он хочет избавиться от трупа отца, превратив его в вазу с пеплом.

ЛЕЙДЕРМАН Дело здесь не в объеме текста – давать больше или меньше.

Как раз многие длинные диалоги в “Коллективных действиях” звучат как стихотворение, и тогда неважно, сколько места они занимают. Заметь, что нашу вторую беседу я почти не поправил. Потому что там тоже получилось подобие длинного стихотворения – в разговоре о буддийских корнях Малышкина. А если речь идет о том, что мы вот здесь собрались и хотим заняться поэзией, правда, у нас не получается, – кому это нужно?!

ЗАХАРОВ Сокращая текст, ты как раз рубишь поэтическую импровизацию. Ты можешь с этим соглашаться или нет, но то, как мы это делаем, становится поэтическим текстом. Кому ты хочешь дать эти тексты?

ЛЕЙДЕРМАН Вопрос не в том, кому. А в мелодии, которую мы хотим играть вовне.

ЗАХАРОВ Я вообще пока не думаю о вовне. Мы пытаемся создать поэтический текст, заварить какой-то поэтический суп. Из этого что-то получается или нет, но мне нравится все в целом. Не забывай, что мы не даем всю фонограмму. Из текста, который я тебе послал, уже было выкинуто страниц 12-15. В принципе, там все достаточно четко.

ЛЕЙДЕРМАН Здесь спорить не о чем, поскольку это разные стилистические оценки. Мне кажется, что поэзис – в моем варианте, а тебе кажется, наоборот, что я поэзис отрубаю. Я думаю, надо вычистить весь мусор.

ЗАХАРОВ Изначально ситуация была демократичной. Мы сказали: “Юра, ты поэт и можешь сделать наш общий текст более поэтическим с твоей точки зрения”. Но если ты начинаешь настаивать на своей поэтической позиции в отношении нас всех, здесь возникает конфликт.

ЛЕЙДЕРМАН Это чисто стилистическая и редакционная проблема.

ЗАХАРОВ Стилистическая, но не редакционная. Потому что ты навязываешь свою поэтику текста.

ЛЕЙДЕРМАН Если меня не устраивает моя собственная реплика и я должен ее убрать, то убирается и весь связанный с ней фрагмент разговора. Если мне, например, кажутся идиотством мои поучения о Плинии Старшем и Плинии Младшем, то что я должен делать? А тебе нравится то, что ты сказал в ответ? Но приходится выкидывать все. Убирать надо все, что кажется сомнительным хотя бы одному из нас.

МОНАСТЫРСКИЙ В КД мы так и работали.

ЗАХАРОВ Я не считаю, что это противоречие является фундаментальным. Можно найти компромисс. Давайте оставим в основе полноценный текст как базис, а дальше каждый волен переписывать его как угодно. Это более соответствует направлению нашего движения.

МОНАСТЫРСКИЙ Компромисс – третью беседу, где Юра был с украинским флагом, можно не сокращать совсем, как образец полного текста. То, что он сократил, дать в сокращенном виде, а в предисловии дать всю запись.

ЗАХАРОВ Мы отходим от чистоты. Почему не дать полноценный текст?

ЛЕЙДЕРМАН Что значит полноценный? Почему ты все время ставишь знак равенства между ситуацией и творчеством?! Тебе кажется, что все, что ситуативно, априори художественно. Почему если мы оставляем все, что было сказано, то это полноценно? Наоборот, это неполноценно.

ЗАХАРОВ Нет. И ты редактировал, и я редактировал, Андрей мало редактировал. Мы сокращали каждый текст. До последнего – пятого – текста, и все было нормально. Правильно?

ЛЕЙДЕРМАН Да, но когда я получил первую и вторую беседы, куда ты уже вставил картинки, я взглянул на это как на артефакт и ужаснулся, насколько это убого – опять и опять самодовольное сидение за все тем же круглым столом и его документирование...

ЗАХАРОВ Это твоя позиция. Я могу с ней согласиться или нет. Я отношусь к этим беседам как к важному аспекту, элементу, который должен быть сохранен в той форме, какую мы имеем.

МОНАСТЫРСКИЙ Надо дать вариант с Юриными сокращениями и твой.

ЗАХАРОВ Тогда это выстраивается в бесконечную систему.

ЛЕЙДЕРМАН Выход только один: сокращать все по максимуму.

ЗАХАРОВ А моя позиция – сокращать по минимуму.

ЛЕЙДЕРМАН Только так, что есть общий эстетический принцип: всегда лучше – меньше.

ЗАХАРОВ Ты подходи к этому не как к законченному арт-объекту, а как к подготовительной работе, специфика которой (ее минусы и плюсы) может больше дать для пока еще не сформулированного, конечного результата.

МОНАСТЫРСКИЙ А почему вам не нравится вариант, который я предложил? Первые два – сокращенные, третий – целиком, потом опять сокращенный.

ЗАХАРОВ Это ни рыба, ни мясо. Я считаю, что никакого противоречия вообще нет. Мы делаем полный вариант, который важен для нас троих.

МОНАСТЫРСКИЙ Почему нам не сделать так: издается три экземпляра – два полных, тебе и мне, и один точно так же в переплете, в Юрином варианте, сокращенный. Ведь кому давать читать?

ЗАХАРОВ Вот, это главный вопрос.

ЛЕЙДЕРМАН Это не вопрос – кому конкретно (Кате Деготь или Игорю Макаревичу), а это глубинный поэтический вопрос: какой призыв мы хотим бросить в мир?

МОНАСТЫРСКИЙ О-о, Юра, это гитлеризм. Если ты хочешь, чтобы мы с тобой согласились про внутренний призыв, который нужно бросить миру, – это чистый гитлеризм. Мы индивидуалисты, и у нас у каждого должен быть свой глубинный призыв.

ЛЕЙДЕРМАН Конечно, но здесь же есть и уровень солидарности. Твои друзья, тебя вдохновлявшие. Вообще все, когда-либо тебя вдохновлявшие. И поперек этого, скажем, твое поколение, твой народ в конце концов...

МОНАСТЫРСКИЙ Что такое Капитон? Это раскольник, самый страшный, кардинальный.

ЛЕЙДЕРМАН Мы живем здесь в такой ситуации, что должны быть максимально жесткими и максимально консолидированными. В 70-е годы такой нужды в “призыве” не было. А сейчас она есть.

МОНАСТЫРСКИЙ Да, но чтобы до конца эту логику поддержать, нужно, чтобы внутри нашей группы из трех человек тоже был раскол, между нами тоже. Поскольку это Капитон, это не Аввакум.

ЗАХАРОВ И на этой ноте я хотел бы предложить дальнейшую нашу деятельность строить не по принципу: “каждый делает работу к новой встрече”, а по принципу традиционного соавторства. Попытаться теперь сделать пять-шесть совместных работ.

ЛЕЙДЕРМАН Мне кажется, это преждевременно. Мы только ищем возможности делать совместные работы. Скажем, наши с Андреем абберрации вокруг фильма “Боец”. Это можно считать совместной двухчастной работой. Ведь мое (по его мнению) мучительство являлось ответом на его (по моему мнению) мучительство. Но мы еще очень многого не прояснили.

Например, последняя беседа – там очень важен момент про слабые работы и сильные работы, которые, дескать, прут как паровоз и сметают все на своем пути. Я бы хотел продолжить этот разговор. Мне кажется, еще не прояснено то, что мы можем выложить на стол между нами тремя. Если мы сейчас сразу займемся соавторством, это будет механистично. Как то, что ты делал со Столповской – жест соавторства как сама работа.

ЗАХАРОВ Мне просто кажется, что важна смена методики.

ЛЕЙДЕРМАН Я вообще не вижу никакой необходимости готовить к редакции то, что было сделано.

ЗАХАРОВ Тогда это может закончиться так же, как с “Медгерменевтикой”, когда осталось огромное количество нерасшифрованных текстов.

ЛЕЙДЕРМАН То, что есть редакция – твоя, моя, есть несогласия, – очень хорошо. Варианты редакции откладываются в наших мозжечках. То же самое и с “Медгерменевтикой” – ведь то, что делаю я, Паша, Сережа, сейчас как раз и является комментариями, расшифровкой тех самых, дескать, нерасшифрованных текстов. И так оно будет, пока мы живы.

ЗАХАРОВ Ну, хорошо, мы пришли к какому-то консенсусу?

МОНАСТЫРСКИЙ Капитон не должен прийти к консенсусу.

ЗАХАРОВ Мне понравилось, что Андрей сказал, что в нашей группе должен быть раскол.

ЛЕЙДЕРМАН Капитон не должен приходить к консесусу, но он должен приходить к согласию. Потому что это согласие сопротивления. Как раз у раскольников – “поморское согласие”.

МОНАСТЫРСКИЙ Капитон был до раскольников... У нас есть готовые пять встреч – с текстами, с картинками. Мы не можем решить, как их представлять, но есть и эта встреча – шестая.

ЗАХАРОВ Промежуточная, редакционная, как я понимаю. Я уже предложил построить наши беседы как главы в книге. Собственно откуда появилось название “Глава Капитон”. В данном случае “Глава Капитон” закончилась. Теперь она может иметь продолжение в другой главе с другим сюжетом.

МОНАСТЫРСКИЙ В начале идет фотография Дюшана с попугаем на плече. Вот, смотри, – а это попугайчик без Дюшана.

ЛЕЙДЕРМАН Это как раз начало – попугай, слетевший с плеча Дюшана. А дальше начинается оскотинивание этого попугая, слетевшего с плеча Дюшана. Это и есть история современного искусства.

МОНАСТЫРСКИЙ Да, точно, так и сфотографируй!

ЗАХАРОВ Что значит оскотинивание? Здесь есть фигуры, которые не оскотинились.

МОНАСТЫРСКИЙ А это надсмотрщики, которые пытаются все в порядок привести.

ЛЕЙДЕРМАН Ну, хорошо, офигуривание, неважно.

МОНАСТЫРСКИЙ Но у тебя не видно будет, что попугайчик соскочил с плеча Дюшана. Дюшан смотрит в ту сторону, в прошлое. А эти вперед идут.

ЛЕЙДЕРМАН Это можно попытаться даже разбить по этапам современного искусства. Вот это попугай, слетевший с плеча Дюшана...

МОНАСТЫРСКИЙ Сначала у него волшебное что-то появилось... бриллиантовая мышь в волшебном тазу.

ЛЕЙДЕРМАН У кого?

МОНАСТЫРСКИЙ У искусства. Дадаисты, может быть. Потом Магритт появился.

ЛЕЙДЕРМАН Нет, я это рассматриваю по-другому. Этот слон для меня классический западный концептуализм. Кошут, к примеру.

МОНАСТЫРСКИЙ И Art & Language.

ЛЕЙДЕРМАН Такой семантический слон, который идет, не разбирая дороги, и все своим семантическим подходом топчет. После него начался нью-вейв, экзотические вещи, Базелиц...

МОНАСТЫРСКИЙ Женское...

ЛЕЙДЕРМАН Да, романтизм, опять сексуальность, Ницше и т.д. Петух – это явный симуляционизм, Джеф Кунс. Причем, заметьте, петух – это тот же попугай. У них и позы похожи. Но только вместо попугая гордый собой петух и раздутый больше. Это то, что мы имеем сейчас.

МОНАСТЫРСКИЙ Это кураторы и критики, да?

ЛЕЙДЕРМАН Нет..

МОНАСТЫРСКИЙ То, что мы имеем сейчас, – колобок... Она схватила!!!

Деготь схватила колобка – “Медгерменевтику”.

ЛЕЙДЕРМАН В принципе – да. Деготь, Гройс или неважно кто. Это масс-медиа, коммерция. Она мех, что-то пушистое, и важно не то, что колобка схватила, а что в руке держит свой хвост, бабло.

МОНАСТЫРСКИЙ Да. Это массмедиаальная, коммерческая ситуация современного искусства. А что же колобок? Странно, что он не съеден. В сказке лиса его съедает. А тут она его только держит.

ЛЕЙДЕРМАН Но фактически она его уже съела. Он у нее в полном подчинении.

ЗАХАРОВ Потому что он больше ни от кого не убегает. Это наша ситуация.

ЛЕЙДЕРМАН Она его может съесть в любой момент. Он у нее уже на носу. Приятные только две конфигурации – сам Дюшан и вот это – как сюрреализм...

МОНАСТЫРСКИЙ Там что-то волшебное присутствует, скорее Магритт. И Древний Китай тут может быть. А потом идет упертость.

ЛЕЙДЕРМАН Да. При этом слон сам по себе экзотическое животное, но он об этом не подозревает. Экзотизации, обращения к краям, к маргиналиям, орнаменту, уже в нем присутствует. Он и сам, заметьте, с попонкой, сам уже орнаментирован. Но он про это еще не знает. И тут же полностью влезают орнаментальные дела. Это нью-вейв.

МОНАСТЫРСКИЙ А петух – это симуляционисты, которые до сих пор царствуют, как Кунс, делая свои сердца из какого-то фантастического металла, гигантские, фиолетовые. Это индустрия.

ЛЕЙДЕРМАН Правильно. Петух близок к лисе, они из одной сказки.

МОНАСТЫРСКИЙ Правильно, они из одной истории. Это пошла уже индустрия современного искусства, миллионы, сотни миллионов.

ЛЕЙДЕРМАН Этот напоминает мне Сережу Ануфриева. Интересно с этой фигуркой, потому что критика и сопротивление присутствуют, но они уходят в чистую вегетативность – пьянство, наркотики. “Мы знаем, что все это говно, семь бед – один ответ!” Мне бы хотелось, чтобы здесь стояло это...

ЗАХАРОВ Ты прямо революционер. Мы не согласны.

ЛЕЙДЕРМАН Да я сам вижу, что это слишком.

МОНАСТЫРСКИЙ А, может, вот это?

ЗАХАРОВ Что это такое?

МОНАСТЫРСКИЙ Сложный механизм, что-то для фото.

ЛЕЙДЕРМАН Слишком технократическое. Непонятно, что ставить после лисы.

МОНАСТЫРСКИЙ Это уже решили.

ЛЕЙДЕРМАН Это “Медгерменевтика”, она идет после...

МОНАСТЫРСКИЙ Она сбоку от лисы.

ЛЕЙДЕРМАН Вот это Андрей со своим мундштуком.

ЗАХАРОВ Мы все выстраиваем в линию. Это ситуация девяностых и наших годов. А это люди, которые пытаются в современной ситуации удерживать парадигму “Медгерменевтики”, расслабленных. Это – Кулик. Позиция псевдогуру. Я бы предложил последним элементом в этом ряду положить мундштук. Он ничего не обозначает, кроме некой функции быть промежуточным между индустрией и личностной психо-физиологической установкой. Он дает некое направление и переход куда-то еще. Куда – непонятно. Да ... там вначале этой нашей истории искусств Дюшан закуривает. Я же предлагаю завершить эту линию мундштуком. Круг замкнулся, в похожей, но с некоторым смещением, точке.

МОНАСТЫРСКИЙ Сфотографируй это как окончательную вещь.

ЗАХАРОВ Так мы оставляем этот вариант?

ЛЕЙДЕРМАН Я не уверен. Сфотографируй два.

ЗАХАРОВ Здесь есть чистота и ясность, то, о чем ты говорил про акцию “Появление”.

ЛЕЙДЕРМАН Можно положить двухсоставный мундштук.

МОНАСТЫРСКИЙ Два лучше.